

Жизнь и необычайные приключения писателя Войновича

(рассказанные им самим)

Глава шестидесятая

А.Т.

В порыве нахальства

Твардовский был моим тогдашним кумиром. До понимания Пастернака, Мандельштама, Цветаевой и Ахматовой я еще не дорос. Из поэтов старшего поколения любил только Симонова и Твардовского, но Твардовского больше. За меткость языка, афористичность, доступность, сформулированную им самим как кредо: «Вот стихи, а все понятно, все на русском языке». Так я мог бы относиться и к Шолохову, но тот, казалось мне, давно исписался, спился, а его публичные выступления, глупые и бездарные, отвращали от него окончательно. Твардовский же ничем себя не уронил (в моих глазах, по крайней мере), считался, безусловно, крупной личностью, а уж как поэт был признан всеми: властью, читателями и поэтами. Чуковский и Маршак сравнивали Твардовского с Некрасовым, но я ставил его в то время ближе к Пушкину.

Между прочим, наша встреча в сентябре 1960 года в коридоре «Нового мира» была не первой. Первая имела место двумя годами раньше после описанного мною совещания молодых писателей. Тогда я оказался в семинаре Льва Ошанина, а моему приятелю Игорю Шаферану повезло попасть к Твардовскому. И вскоре разнесся слух: стихи Шаферана понравились Александру Трифоновичу, он даже кое-что отобрал для публикации. Игорь ходил гордый, словно его наградили орденом. Я бы тоже ходил гордый. А поскольку мне казалось, что и в моих стихах «все понятно, все на русском языке», я решил, что и мне надо пробиться к Твардовскому. Как это бывает с застенчивыми людьми, я иногда себя преодолевал и бывал дерзок, а то и нахален.

И вот в порыве нахальства явился я в «Новый мир» и сказал секретарше Софье Ханановне, что хотел бы встретиться с Александром Трифоновичем. «А он вас приглашал?» — спросила она. «Приглашал», — соврал я. Она зашла в кабинет и тут же вышла. «Александр Трифонович вас ждет». Я вошел и, увидев перед собой своего живого кумира, сразу же оробел. Он сидел за своим столом, грузный и хмурый: «Я в самом деле вас приглашал?» — «Не приглашала», — сознался я. «А почему же вы говорите, что я вас приглашал?» — «Потому, что мне очень хотелось показать вам мои стихи, но я боялся, что меня к вам не пустят».

Я думал, ему понравится моя шутка, но он улыбнулся так кисло, что видно было — шутка не понравилась. Тем не менее он разрешил мне оставить стихи и пообещал, что прочтет. Некоторое время спустя мне позвонил из «Нового мира» какой-то сотрудник, сказал, что выполняет поручение Твардовского. Александр Трифонович стихи прочел, считает, что в них что-то есть, но все-таки они еще незрелые и печатать их рано. На стихах, возвращенных мне, были пометки Твардовского. Совершенно справедливые.

Я не обиделся, но огорчился. Однако при этом мне льстило, что он сам, лично читал мои строки, вникал в них и даже делал пометки, по которым было ясно, что все-таки стихи показались ему небездарными.

Когда мы встретились во второй раз в коридоре «Нового мира», он меня, конечно, не вспомнил, и я был этому рад.

ГЕННАДИЙ НОВОМИРОВ

— А кой вам годик? — спросил Твардовский довольно язвительно.

— Двадцать девять.

Он помрачнел. Я потом много раз замечал, что он тяжело переживал свой возраст, хотя ему был всего лишь пятьдесят один год. Себя он зачислил уже в старики, а к писателям, считавшим себя молодыми, относился неодобрительно, считая, что они рассчитывают на возрастную скидку. Литература — занятие взрослых и зрелых людей. Если уж ты взялся за него, то на снисхождение по возрасту рассчитывать нечего...

Публикацией моей повести «Мы здесь живем» «Новый мир» открыл на своих страницах дорогу молодым писателям, слегка приотстав от уже сильно продвинувшейся на этом пути «Юности». Несмотря на очевидные слабости, «Мы здесь живем» вызвали откликов гораздо больше, чем много позднее «Чонкин».

«А кой вам годик?»

Для каждого молодого писателя второе сочинение бывает экзаменом, который он держит сам перед собой. Испытывая при этом неуверенный страх и пытаясь предугадать, будет ли новая вещь не хуже той, через которую пришло к нему признание. Не окажется ли его первый успех случайным.

Морозным декабрьским днем 1961 года я шел по улице Горького от Белорусского вокзала к Пушкинской площади, помахивая недавно купленным темным портфелем. По дороге встретил Бориса Балтера, моего будущего друга, автора нашумевшей повести «До свидания, мальчики».

— Куда идешь? — поинтересовался Борис.

— В «Новый мир».

— Несешь что-нибудь новое?

— Да вот написал рассказ, — сказал я, встряхнув портфель.

— Хороший? — спросил он.

Хороший ли? Что я мог сказать? Когда я его написал, он мне казался вполне хорошим. Когда выходил из дому, думал, что он неплохой. Но чем ближе я был к «Новому миру», тем больше сомневался.

— Не знаю, — признался я честно.

— А если не знаешь, — удивился Борис, — зачем несешь?

Я не знал, что ответить. Если бы я ждал, когда придет уверенность в том, что я написал что-то безусловно хорошее, я бы никогда не дошел до редакции. Неуверенность в качестве написанного у меня и сейчас, в преклонном возрасте, случается перед передачей рукописи редактору, а уж тогда я вообще готов был в последнюю секунду повернуть обратно. Тем не менее превозмог себя, дошел до редакции, вручил свое сочинение Асе Берзер и стал ждать.

Я думал, Ася немедленно прочтет мой рассказ и позвонит или пришлет телеграмму, как это было с «Мы здесь живем». Но прошли день, два, три, неделя... ни телеграмм, ни звонков, ни намеков. Значит, не понравилось. Я ждал гораздо дольше, чем после сдачи первой повести. Вдруг звонок. Анна Самоилова: «Володя, вас просят к себе Твардовский».

Я порой очень жалею, что никогда не вел дневников, даже в дни очень важных для меня событий. Поэтому — вот по памяти. Был вечер. Я вошел в кабинет, тот самый, в который когда-то вломился по наглости. Горела только настольная лампа. Твардовский, седоватый и грузный, вышел из-за стола. Взял мою ладонь в свою большую и мягкую, усадил и стал говорить мне такие комплименты, на которые я не рассчитывал. Он меня цитировал, смеялся, пересказывал почти дословно спор двух персонажей по поводу количества колонн у Большого театра. Сказал, как ему приятно, что я знаю жизнь, особенно деревенскую, сказал, что рассказ у меня самостоятельный, хотя школа видна, «школа бунин-

ская» (я был не согласен, но не возразил). «Ну что ж, неплохая школа. И хотя вы учитесь у Бунина (я у него не учился), но без эпитонства. А то есть у нас, знаете ли, модные бунинисты...» (Под модными бунинистами он имел в виду Юрия Казакова, которого считал тогда не больше, чем эпитоном Бунина, но потом изменил свое отношение и в какой-то статье о Бунине уже уважительно упомянул Казакова, назвав его не эпитоном, а последователем Бунина).

— Да, — вдруг спохватился Александр Трифонович, — а как вас величают?

— Меня зовут Володя.

— Володя? — переспросил он удивленно, будто никогда не слышал подобного имени. — А что, у вас разве отчества нет?

Я растерялся. Отчество? У меня? Да кто ж меня и когда звал по отчеству? Еще недавно кричали просто: рядовой такой-то, ко мне, вольно, смирно, шагом марш! К тому же я вот слышал и поначалу удивлялся, литераторы сплошь и рядом, независимо от возраста, зовут друг друга Миша Светлов, Сережа Наровчатов, Боря Слуцкий, а Маяковский и вовсе называл Асеева Колькой. Я попробовал объяснить Твардовскому, что я еще молодой и прибавления отчества к имени покуда не заслужил. И увидел, что это объяснение ему совсем не понравилось.

— А кой вам годик? — спросил он уже довольно язвительно.

— Двадцать девять.

Он помрачнел. Я потом много раз замечал, что он тяжело переживал свой возраст, хотя ему был всего лишь пятьдесят один год. Себя он зачислил уже в старики, а к писателям, считавшим себя молодыми, относился неодобрительно, считая, что молодыми они себя называют, надеясь на возрастную скидку, которой не должно быть. Литература — занятие взрослых и зрелых людей. Если уж ты взялся за него, то на снисхождение по возрасту рассчитывать нечего. Его покорило мое представление о том, что я еще молод, но разбавлять медетем он все же не стал. Только заметил со вздохом:

— Ну что ж, молодость — это недостаток, который быстро проходит.

После этого опять ко мне расположился и сказал еще много хоро-

шего, чего я, к сожалению, не записал. Перейдя к практической части, он сказал, что «Расстояние в полкилометра» обязательно напечатает, но к этому рассказу надо добавить другой. Пусть не такой хороший. Пусть вообще он будет похуже и даже чем хуже, тем лучше. «Тогда мы вашим плохим рассказом прикроем этот хороший».

Некоторое время я ходил у него в фаворитах, чем очень гордился.

«Новомирские» посиделки

Наши встречи застольные начались с того, что я, сидя вечером у своего тогдашнего друга Феликса Светова, позвонил зачем-то Сацу. Сац сказал: «Володя, если хотите видеть Александра Трифоновича, приезжайте сейчас же ко мне». Я кинулся к выходу. Светов обиделся: «Что же ты меняешь друга на начальника?» Я возразил: «Он мне не начальник, а великий поэт. Представь себе, что тебя приглашает Пушкин. Неужели откажешься?»

Встречи с А.Т. (так Твардовского с почтением многие называли) стали почти регулярными. Это случалось чаще всего у Саца. Жена Саца Раиса Исаевна обычно ставила на стол закуску и исчезала, а мы оставались втроем, и разговоры наши на первых порах были взаимодружелюбными, отчего я приходил в состояние счастья, как от свидания с любимой женщиной.

Мне льстило, что между нами, как мне казалось, так много общего: и литературные вкусы, и бытовые привычки, и то, что мы оба курили одни и те же сигареты — «Ароматные», пахучие, пропитанные, вероятно, дешевым одеколоном. Я Твардовского располагал к себе очевидным знанием жизни, тем, что жил в деревне, был столяром, служил в армии, ездил на мотоцикле, а кроме того, читал почти все, что было им опубликовано, не только стихи, но статьи, выступления и рассказы. Иногда в более расширенном составе встречались у Инны Шкунаевой, подруги Саца, специалистке по французской литературе. Она была родственницей архитектора Жолтовского, от которого в ее распоряжение перешла небольшая, одно- или двухкомнатная квартира в районе Смоленской площади. Там сходилась почти вся редколлегия «Нового мира»: Твардовский, Лакшин, Сац, Кондратович, Дементьев, Марьямов. Все являлись с водкой (как мне помнится, приносили сразу по две бутылки). Садились за стол. Шкунаева готовила закуску. Первая стадия: пили, закусывали, балагурили. Твардовский, разумеется, был центром и душой компании. Рассказывал что-нибудь о своих столкновениях с начальством и цензорами или вспоминал деревенское детство. На второй стадии переходили к песням. Твардовский хорошо знал и пел белорусские песни. Лакшин (который эти же песни, наверное, специально выучил) очень старательно и, подражая Твардовскому, подпевал. Кое-какие из этих песен я тоже знал, но в украинском варианте, чем умилял Твардовского.

Иногда к концу застолья Твардовский начинал плакать, переживая наступившую, как ему казалось, старость (а было ему, напомним, немного за пятьдесят). Утирал слезы ладонями, повторяя: «Я старик, я старик». Остальные вежливо выдерживали паузу, хотя некоторые из них (Сац, Дементьев, Марьямов) были постарше.

Продолжение следует